

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
Ночь черного хрустала

Милов

Владимир Михайлов
Ночь черного хрусталя

«Автор»

1990

Михайлов В. Д.

Ночь черного хрусталя / В. Д. Михайлов — «Автор»,
1990 — (Милов)

Весь мир переживает экологическое бедствие. Отравлена земля, вода и воздух, все чаще рождаются дети, которые не могут дышать атмосферным воздухом. Их содержат в специальных кислородных камерах на территории Международного научного центра ООН в Намурии. Сотрудник Интерпола Даниил Милов расследовал дело о контрабанде наркотиков и оказался на территории этого европейского государства. В это время под лозунгами борьбы за природу в Намурии произошел государственный переворот и к власти пришли фашисты. Они остановили заводы, взорвали плотину, начали убивать ученых...

© Михайлов В. Д., 1990

© Автор, 1990

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир МИХАЙЛОВ

НОЧЬ ЧЕРНОГО ХРУСТАЛЯ

* * *

– Доктор Рикс! Срочно – город! ОДА!

Женщина выхватила из кармана халата плоскую коробочку коммутатива. Нажала кнопку.

– Доктор Рикс? – Голос в коробочке казался сплюснутым. – Снова ОДА! Девочка, роды проходили нормально...

Женщина опустила веки – может быть, чтобы никто не увидел в ее глазах отчаяния. Но голос ее в наступившей мгновенно тишине прозвучал спокойно, почти безмятежно, как если бы ей сообщили – ну, что лампочка в прихожей перегорела, например; только свободная рука произвольно сжалась в кулак:

– Что же вы предприняли?

– Сразу же, по инструкции, дали кислород. Затем...

Она слушала еще несколько секунд.

– Пока дышит нормально. Однако...

Она перебила:

– Готовьте к перевозке. Сейчас к вам вылетит вертолет.

– Доктор, хотелось бы... Видите ли, ее отец – Растабелл.

Она знала, кто такой Растабелл.

– Не волнуйтесь, все будет отлично.

Рука с коммутативом медленно опустилась, бессильно повисла, но лишь на секунду.

– Доктор Карлуски, разрешите...

Он кивнул головой с узким, морщинистым лицом.

– Разумеется, доктор Рикс. Я уверен – это вчерашний выброс; следовало ожидать...

На несколько мгновений выдержка изменила ей:

– Шесть наших обращений к этому их правительству, шесть успокоительных ответов – и все на бумаге, только на бумаге... В конце концов, это же их дети, а не мои!

– Ну, что вы, – сказал доктор Карлуски, стянув морщины в улыбку. – Правительства всегда бездетны. Хорошо, что у нас еще есть термобоксы.

– Еще три, – ответила она уже в дверях. – Что будет потом – не знаю...

– А кто знает? – сказал доктор Карлуски ей вслед.

Что будет потом, не знал никто. Ни здесь, в Международном Научном Центре ООН, располагавшемся в уютном (по привычке его продолжали считать уютным) уголке Европы, в Намурии, ни, пожалуй, во всем мире.

Правда, не было уже той растерянности, что сопутствовала первым подобным случаям – сперва вовсе непостижимым, потому что младенцы рождались вроде бы совершенно здоровыми, были они доношены, выходили правильно, не было ни удушения пуповиной и никаких других бед из числа тех, что подстерегают еще не родившегося. Вскрытия показывали, что дети были совершенно нормальными – только их крохотные легкие выглядели как бы сожженными если не кислотой, то удушливым газом. Ведь ничего, кроме воздуха, каким все дышат, не содержалось в родильных залах. Все дышат, а эти вдруг не захотели: один, другой, третий, четвертый – и, как говорится, пошло. Не только в Намурии, хотя небольшая страна эта оказалась одной из первых, и не только в Европе. Другая закономерность, правда, прослеживалась:

чем ближе к большим промышленным районам, тем чаще такие случаи происходили, потому что тем меньше оставалось в этих местах того, чем можно дышать. Отказ Дышать в Атмосфере – вот что такое ОДА.

И в самом деле: можно ли было называть старым и легким словом «воздух» нынешнюю смесь кислорода и азота со всеми теми неисчислимыми добавками, какими обильно обогащала ее цивилизация: продуктами сгорания твердого, жидкого и газообразного топлива в цилиндрах и камерах автомобилей, тепловозов, теплоходов, самолетов, энергостанций, заводов и фабрик, ракет, или просто на месте добычи; отходами промышленности – химической прежде всего, но не только; продуктами сжигания мусора; тончайшей цементной, фосфатной и другой всякой пылью; отходами горнодобывающей и горнообрабатывающей промышленности? Да что перечислять – тут впору заводить Черную книгу, чтобы на множестве ее страниц всерьез заняться поименованием всего того, чем мы за десятилетия усовершенствовали наивно-примитивную стихию, а здесь не место для этого. Добавим только, что уже не воздухом, конечно, была эта смесь – скорее уж следует называть ее «Аэрозоль-XX» – по номеру нашего благодатного столетия и по ее физической сущности.

Не будем здесь говорить и о том, что не одна только атмосфера подверглась подобному «обогащению», но и вода, и поверхность земли, и недра ее, да и ближний космос, пожалуй, тоже; попытаемся лишь назвать этот процесс приспособления природы к человеку самым пригодным для этого словом вместо существующего для этой цели бодрого термина «техническая цивилизация» – словом этим будет война, и не просто война, но гражданская. Потому что только на войне убийства происходят не исподтишка, но явно, и почитаются не за преступление, но за подвиг – не так ли поступает цивилизация с природой? И не подвигом считали мы разве все достижения вышепоименованной? Подвигом, несомненно; и гордились, и подвигали на дальнейшее в том же духе. Итак, война. А почему гражданская? Потому что в гражданской войне народ уничтожает сам себя, для народа гражданская война – форма самоубийства или борьба если уж не до смерти, то самокалечения во всяком случае. Но разве природа и человек – не один народ по имени «Жизнь на Земле»? И то, что происходило и все еще происходит в процессе цивилизации, не есть ли война одной части народа против другой, война регулярной армии людской цивилизации против партизанских операций порядком уже разозленной природы? Гражданская война, да.

Не вчера это уже стало ясным. И не вчера впервые были произнесены власть предрежащими во всех концах планеты правильные и достойные слова относительно пресечения, недопущения, исправления, восстановления... Так клянется алкоголик: вот сегодня еще выпью, а с завтрашнего дня – завяжу! Так обещает сам в себе запутавшийся человек: с понедельника начну новую жизнь! Сколько завтрашних дней прошло, сколько понедельников... Ты еще дышишь, человек? Ну живуч, прямо сказать...

Кто как, впрочем. Кому сейчас, скажем, семьдесят – тем дышится легче. Было время адаптироваться: родились-то они тогда, когда дышать было куда проще. Нет, конечно, двести или две тысячи или двадцать тысяч лет назад воздух был еще чище. Но даже семьдесят лет назад над полями и в лесах еще держалась благодать, с неба не лились еще желтые, а то и радиоактивные дожди, а поля и грядки удобрялись более по старинке, навозцем. Так что хоть в детстве подышали вволю, а потом приспособлялись понемножку. Тридцатилетние, особенно горожане, – уже другой коленкор: вдыхали аэрозоль с молодых ногтей, хотя не столь еще густой, как нынче. Ну, а теперь и вовсе не осталось населенных мест, куда не проникли бы механизмы и химикаты. И вот в разгар научно-технической революции, грозившейся привести благодарное человечество к полному познанию всего на свете и безмятежному благоденствию, детишки как-то уж и вовсе хлипкими стали входить в сей мир – юдоль не слез, но небезвредных отбросов.

Воздух, как и вода, на всей планете пришли потихоньку к одному знаменателю: природа не знает границ ни для добра, ни для зла. Естественные компенсаторы и фильтры первыми не выдержали нагрузки, тем более, что оставалось их все меньше; они были природными богатствами, которые человек транжирил вместо того, чтобы разумно жить на проценты. И вот наконец и он, наиболее приспособляющаяся (за исключением разве крысы, клопа или таракана) часть природы, исчерпал, похоже, свои резервы адаптации и выносливости. Так что к тому дню, с которого началось наше повествование, на всех материках уже не на сотни, а, по статистике Всемирной Организации Здравоохранения, на тысячи шел счет представителям разумного вида, при рождении требовавшим для дыхания первобытно-чистого воздуха – или вовсе отказывавшимся жить. То ли мутантами они были, то ли спираль развития снова вышла на такую вертикаль – но так вот получилось.

Сперва, как уже сказано, растерялись. Но теперь научились крохотных бунтовщиков сбегать: помещали в герметические боксы, куда подавалась приемлемая для младенцев дыхательная смесь, с ароматом хвои даже. Кормить их тоже приходилось с самого начала искусственными составами из натуральных (по возможности) продуктов. И дети жили, словно драгоценные экспонаты музеев, за броневыми стеклами. Старшему из них во всем мире шел сейчас четвертый год. Самая младшая – вот только что родилась, при нас, можно сказать.

Что будет потом – это, конечно, не только доктора Рикс интересовало, не одну лишь эту молодую, красивую и (под белым халатом) несколько даже вызывающе одетую женщину, но и людей не столь уже молодых, строго одетых и занимавших куда более высокие, а порой даже и высочайшие уровни в мировой иерархии. Но как-то всегда оказывалось, что «сегодня» было важнее чем «потом». Мир все усложнялся, но дышать не становилось легче. Что же касается людей, общества, человечества, то с ним было, как с ядерным реактором: работает и взорваться вроде бы не должен. Но – может.

– Вызывает клиника Научного центра. Вертолет прибыл?

– Да, доктор Рикс, благодарю вас, только что погрузили малышку. Но господин Растабелл очень встревожен. Он...

– Успокойте его.

– Доктор Рикс, а не могли бы вы лично поговорить с ним? Вы специалист, да и американская медицина...

– Позвоню ему, как только дитя окажется у нас и я осмотрю его.

– И еще одна просьба, доктор: если...

Пол под ее ногами ощутимо дрогнул; звякнули инструменты в стеклянных шкафчиках, колыхнулась вода в стеклянном сифоне, листок бумаги спланировал со стола и закачалась подвешенная к абажуру настольной лампы куколка: фантастический астронавт-десантник с бластером наизготовку.

«Физики стали слишком много позволять себе, – мельком подумала женщина. – Совершенно не считаются с тем, что у нас – дети».

– Да, я слушаю: какая просьба? Алло! Вы меня слышите?

Но телефон молчал.

– А теперь, доктор, вопрос на засыпку...

– Честное слово, Гектор, у меня не осталось ни секунды. Надо проверить, как новенькая дышит в боксе, затем...

– Что же, я могу брать интервью не только на бегу, но и стоя на голове. Скажите: вот вы спасаете этих несчастных. Но что ожидает их потом? Герметичные дома, конторы, цеха, города? Или вы надеетесь научить их дышать той гадостью, какой дышим мы?

– Это задача для ученых. Я всего лишь врач.

– Их становится все больше – это, видимо, не случайно. Не опасаетесь ли вы, что в один прекрасный день общество возмутится – с непредсказуемыми последствиями?

– Это не мои проблемы, Гектор. Наше дело – убедить власти в том, что надо срочно принимать меры не на словах, а на деле, иначе человечеству грозит гибель в недалеком будущем.

– Какие меры вы считаете необходимыми?

– Любые, которые могут привести к очищению среды. За подробностями обращайтесь в «Грин пис».

– Вы верите в возможность таких мер?

– Я оптимистка. Ну, все, на этом – наилучшие пожелания.

– А у меня еще целая связка вопросов. Чем вы заняты сегодня вечером? Что, если я навещу вас дома, в городе? Ваш муж ревнив?

Она усмехнулась.

– Вечером я приглашена на вечеринку – тут рядом, в Сайенс-виллидж.

– И пойдете?

– Почему бы и нет? А вообще, на возникающие вопросы человек должен находить ответы сам.

– Bravo, это я использую. Что же, раз так – мчусь в город, к Растабеллу. Думаю, что они вот-вот начнут атаковать правительство всерьез – теперь, когда он пострадал, так сказать, лично. Но сперва забегу к нашим сейсмикам: они, кажется, что-то такое засекли.

– Был какой-то странный толчок. Но землетрясений тут не бывает...

– Город все еще не отвечает, доктор. Глухо.

– Когда телефон исправят, разыщите меня – я обещала позвонить Растабеллу. Буду у себя до шести, сестра Ибарра.

– Непременно, доктор.

«И в самом деле, пойду на вечеринку, – подумала она, направляясь к блоку термобоксов. – И не устою. Не стану больше сопротивляться ему. Да и чего ради? Пусть несерьезно, пусть быстролетно – но хоть что-то, иначе совсем завяну... А в обаянии ему не откажешь. Отбиваться я буду, но не очень убедительно. Пусть Моран удлинит список своих побед – на самом деле это ведь я решила так, не он...»

– Рад видеть вас, фрау доктор!

Еще долю секунды она внутренним взором созерцала неотразимого Морана, хотя поздоровавшийся с нею здесь, в коридоре, человек был полной его противоположностью: невысокий, округлый, с редкими, прилизанными волосами, и одет он был с аккуратностью клерка, хотя чиновником как раз не был.

– А, господин инженер! Почему вдруг «фрау»? Что за противоестественная смесь? Впрочем, мы в чем-то напоминаем Вавилонскую башню, может быть, вы и правы...

Инженер смутился:

– Сам не понимаю... Наверное, потому, что я только что разговаривал с профессором Ляйхтом – он предпочитает свой родной язык.

– Вы были у нас?

– Лишняя проверка никогда не мешает. Теперь я могу поручиться: вашу новую маленькую милую пациентку электроника не подведет.

«Сентиментален, как всегда, – подумала она. – И, наверное, примерный супруг и отец. Хотя нет – он, кажется, как раз бездетен».

– Я очень благодарна вам за внимание к нашим детям. Но не стану задерживать: вы, конечно, спешите, как всегда, к вашей очаровательной жене.

– Увы, на сей раз я увижу ее лишь через несколько часов. Я обещал профессору Ляйхту вечером посмотреть его персональчик у него дома, в поселке.

– В Сайенс-виллидж? Как же она перенесет целый вечер без вас?

– Я предупредил ее еще до того, как замолчали телефоны. Почему это, как вы думаете?

– Понятия не имею. Так почему же?

– Я и сам не знаю. Она, я думаю, раньше ляжет: очень устает в последние дни, необычайно много работы в конторе мистера Рикса...

«Особенно для секретарш, – подумала она, по-прежнему приветливо улыбаясь, – пригжих собой, сверхурочной работы. Сукин сын!»

– ... Впрочем, что я вам объясняю: вы наверняка знаете о делах вашего мужа намного больше моего.

«Ни черта не знаю, – подумала она, – да и знать не хочу».

– Ну, желаю вам всего лучшего.

– Мое почтение, доктор.

«Вот поют, – подумал Милов, – ну прямо соловьи...»

Во тьме вспыхнула искра; мгновенный взвизг резнул по слуху, потом глухо загудело – словно в глубочайший колокол ударили: ухнул невероятным басом, покачался из стороны в сторону и стал затухать. Но Милов успел уже нырнуть в дыру – вход в пещерный лабиринт.

Собственно, и не пещеры это были, скорее катакомбы. Тут естественные пустоты, характерные для таких геологических структур, с обширными залами (в одном из них даже подземное озерцо плескалось), перемежались и соединялись вымытыми некогда водой ходами и рукотворными коридорами, в прошлом – горными выработками. В седой древности в пещерах жили, потом – скрывались, во время второй мировой войны их использовало Сопротивление, а после нее, хотя и не сразу, проложили несколько маршрутов для туристов; маршруты эти оборудовали электрическим освещением, но стоило отклониться от нехоженой трассы – и человек попадал в первозданную мглу. Входов в катакомбы имелось несколько, все они были снабжены прочными дверями – сперва деревянными, потом их заменили пластинами из котельного железа: чтобы предотвратить несчастные случаи, какие время от времени приключались с «дикими» туристами и с детьми. Одна из этих дверей сейчас оказалась, на счастье Милова, приотворенной, и пули пришлось по ней.

«Рикошет, – подумал он, переводя дыхание и напряженно вслушиваясь. – Плохо стреляют, а странно, они должны уметь профессионально, и по звуку в том числе; но и так ничего, чуть левее – тут бы мне и конец. Но, значит, я верно иду, – думал он, на четвереньках отползая подальше от входа, в глубину, – жму им на большую мозоль... Конечно, найдись среди них хоть один порешительнее – прыгнул бы за мной и длинной очередью вдоль хода – и все, и снято, как говорила Аллочка... Если они меня опознали – человек я заметный, их могли предупредить, – то и преследовать они вряд ли сунутся, репутация у меня достойная; но уж постарайся и живым не выпустить, залягут, как кот у норки: наверняка ведь думают, что я этих ходов не знаю, а если и знаю, то лишь официальные маршруты. Плохо они обо мне думают, плохо... А засуетились они заметно, может, у них и тайники тут, перевалочные базы? Ну, если поживем – увидим...»

Он спешил уйти подальше, прикидывая на ходу, как побыстрее и побезопаснее выбраться отсюда, чтобы попасть, наконец, в Научный центр, найти там одного человека и выжать из него все, что можно, а потом найти другого, уже в городе, и с ним сделать то же. Несколько раз Милов свернул почти наугад: надо было сойти с туристской тропы. Сейчас ход расширился, двигаться можно было почти бегом, лишь немного пригибаясь. Воздух был сырой и затхлый – значит, другого выхода поблизости не было. Хорошо: никто не успеет забежать и устроить засаду впереди. Подумав так, Милов усмехнулся и еще ускорил шаг. И, словно в отместку за ухмылку, кто-то или что-то долбануло его по лбу с такой жестокой силой, что он не устоял на ногах – рухнул и, кажется, отключился.

Ненадолго, впрочем. Милов пришел в себя то ли от невыносимой, дергающей и стучащей боли в виске, но может быть, и от слабого, осторожного шороха, что послышался. Милов с силой притиснул висок к холодному, мокрому песку, чтобы умерить боль. Никуда не денешься: звуки были звуками шагов, и они приближались осторожно, но упорно.

«Значит, решились все-таки, пакостники, – подумал он с неожиданным спокойствием, – пошли на добывание... Ну, в такой непроглядности в меня еще попасть надо. Правда, и мне по звуку трудно будет их упредить: здесь многократное отражение. Ладно, пусть они начинают, а я тогда – по вспышкам... А куда девался тот, что меня сшиб? Весьма странно... Может, спешил к выходу, и я ему просто мешал? Постой, а где выход? Там, где мои ноги. А эти приближаются с другой стороны – выходит, успели-таки забежать...»

Шаги приближались все медленнее, охотники, видимо, не хотели рисковать.

«Что же они – даже фонариками не запаслись, дурачье, неужели думали, что я по туристским ходам побегу? – с некоторым пренебрежением подумал Милов. – А ведь готовились, наверное, всерьез... Или просто бояться?..»

Тут шаги и вовсе замерли. Милов старался дышать как можно реже, тише, отбойный молоток в черепе перестал частить. Потом он услышал совсем рядом едва различимый шепот и очень удивился: разговаривали по-английски, а не по-намурски и не по-фромски – то были два местных языка.

– Нет, мне помнится, тут можно пройти, надо только опасаться сталактитов, они тут мощные, их не вырубали, это дикий ход.

«Странный акцент, – подумал Милов. – Местный, надо полагать. В местных языках я – с грехом пополам... Так вот, значит, на что я налетел; было бы идти поосторожнее, как это я оплошал... О чем это они там?»

– Жаль, мне бы хоть фонарик захватить, но кто мог знать?

– Как тихо... Может быть, мне почудилось и никто не стонал?

«Второй – явно из Штатов», – решил Милов.

– Нет, не почудилось, стон был. А куда мы здесь выйдем?

– Помнится, этот ход ведет к реке, но должен быть еще один выход, поближе – мы с женой тут бывали когда-то, но далеко не забредали, боялись.

– А может быть, лучше вернуться? Я думаю, там уже все успокоилось... – Это был уже не шепот, а негромкий голос, и Милов едва не присвистнул от удивления: голос принадлежал женщине. – На худой конец, будем со своими, если даже что-то еще и не так. Ну, в конце концов, что нам грозит?

«Нет, – подумал Милов, – это не мои друзья-приятели. Это случайный народ. Любовники, может быть – искали уединения и заблудились. Пора объявиться – не то они, от безвыходности, начнут делать что-нибудь нескромное...»

Он подтянул ноги к животу, изготовленный было к бою пистолет водворил на место. Бесшумно привстал – и снова ткнулся головой в сталактит, в самое острие, и невольно зашипел.

– Кто там? – вскрикнула женщина испуганно. Сразу же зашуршало: мужчина шагнул вперед, дыхание его сделалось шумным. Он мог сейчас, пожалуй, и напасть, не рассуждая, – просто чтобы подавить страх в себе самом.

– Эй, приятель, – по-английски окликнул его Милов, негромко, словно сидел за столиком в кафе и мимо прошел официант. – Осторожно, не запачкайте об меня обувь.

Тот снова остановился.

– Что вы тут делаете? – через мгновение осторожно спросил он.

– Принимаю солнечные ванны, – ответил Милов, чувствуя, как возвращается к нему уверенность. – Предупреждаю: я занял лучшее место и не собираюсь уступить его просто так.

Тот усмехнулся – просто потому, что того требовало чувство собственного достоинства.

– Меня радует ваш юмор, – ответил он. – Но не окажете ли вы любезность говорить серьезно? Тут, собственно, нет ничего смешного...

– Кончайте болтовню! – неприязненно сказала женщина; судя по звуку ее голоса, она отступила шага на три-четыре – на случай, если завяжется схватка, наверное. – Не знаю, может быть, пещеры – ваше постоянное обиталище, но нам не хотелось бы медлить.

– Вы совершенно правы, – согласился Милов; он тянул время, чтобы совсем уже оправиться от удара. – Можно простудиться. Да и воздух, откровенно говоря... Хотя, должен сказать, снаружи он тоже не заслуживает доброго слова.

– Дайте нам пройти! – потребовала женщина.

– Обождите секунду, – примирительно сказал Милов, – я попытаюсь встать.

– Ах, вы лежите, – сказал мужчина. – Вот почему я затруднялся понять, где вы находитесь.

– Вам плохо? Или вы ранены? – спросила женщина и шагнула вперед.

– Стойте там! – на всякий случай задержал ее Милов.

Она обиженно хмыкнула, но остановилась, говоря:

– Надеюсь, ваш утренний туалет не затянется? Кофе в постель здесь не подают. Может быть, конечно, дома у вас горничная... Вы из поселка?

– Дома у меня гарем, – сказал Милов и, упираясь ладонями в шершавые стенки хода, стал подниматься.

– Боюсь, что господин не из поселка, – сказал мужчина своей спутнице так, словно Милов далеко и не слышит их. – Я там знаю всех, и персонал тоже. – Он повысил голос: – Не могли бы вы сказать, кто вы и как оказались здесь?

Милов ощупал пальцами голову.

– Ничего, – вслух сказал он самому себе. – Кажется, обошлось без телесных повреждений, связанных с длительным расстройством здоровья.

– А может быть, он из этих? Подждал нас? – предположил мужчина. Видимо, темнота придавала ему смелости; вообще-то, судя по манере говорить, он не принадлежал к забиякам.

– Встали? – нетерпеливо спросила женщина. – Поздравляю. А теперь, пожалуйста, пропустите нас, если вам не нужна помощь.

– Боюсь, что она потребуется вам, – ответил Милов. – Если не ошибаюсь, вы хотите воспользоваться ближним выходом? Не советую: там ждут меня, но могут открыть огонь, даже не спросив, кто идет. Нервные люди.

– Вы... контрабандист? – нерешительно спросил мужчина. – Извините за такое предположение, – тут же зашептал он, – но в этих местах...

Он умолк.

– В этих местах?.. – повторил Милов.

– Ну, я, собственно, не знаю, я живу в городе. Но говорят... – Он снова не закончил фразы.

– Нет, – сказал Милов, – все не столь романтично. Я турист-одиночка, много слышал об этих пещерах, но возле входа меня хотели ограбить, и, кажется, даже убить. Оставалось лишь улизнуть сюда, где потемнее.

– Это необычно, – задумчиво проговорил горожанин. – О грабителях у нас давным-давно не слыхивали. Знаете, – оживился он, – скорее, это были... ну, те самые, что в поселке. Вы не знаете разве, что произошло вот только что, вечером, в Сайенс-виллидж?

– Никогда не бывал там.

– Перестаньте, Граве, – сказала женщина.

– Господин хочет сохранить инкогнито. Во всяком случае, английский – не его родной язык.

– Я из России, – сказал Милов вежливо. – Турист.

– Все равно: сейчас все мы сидим в одном и том же джеме по уши. И так, мистер русский, вы полагаете, тут нам не выйти?

– Милов, – представился турист. – Даниил Милов, к вашим услугам, мэ'м.

– Очень приятно, Дан. Меня зовут Евой. А это господин Граве. Его воспитание не позволяет, чтобы его называли по имени.

– Что делать, – сказал Граве, – мы, намуры, консервативны и, признаться, даже гордимся этим. Но скажите, господин Милф, о засаде вы говорили серьезно?

– К сожалению.

– Я не очень уверен относительно других выходов, – сказал Граве виновато. – Слишком давно не бывал здесь, хотя работаю рядом со дня основания Центра. Впрочем, так всегда бывает... Знаю только, что выходы есть, но вот где они?..

– Ну же, решим что-нибудь, – нетерпеливо сказала Ева. – Не люблю неподвижности. Ну, а вы, Дан, – вы в самом деле собирались заночевать тут? Мне такая спальня не по вкусу.

– Боюсь, что к утру здесь будет чрезвычайно холодно, – согласился Граве. – Если бы мы еще оделись подобающим образом; но все произошло так неожиданно...

– Ночлег здесь не входил в мои планы, – признался Милов. – Я рассчитывал попасть в Центр – там ведь есть какой-нибудь странноприимный дом, надеюсь?

– Гостиница, – сказал Граве. – Но в Центр еще надо попасть, а это, я полагаю, сейчас затруднительно. В той стороне один-единственный выход, через него мы и попали сюда. Однако, – в голосе его проскользнула нотка горечи, – в старой тихой Намурии стали происходить невообразимые вещи: там тоже люди с оружием, и мы едва спаслись от них, когда бежали из поселка...

– Так что выбираться придется вместе, – заключила Ева. – Осталось лишь придумать – как.

– Отчего ж не придумать, если подумать... – пробормотал Милов, занятый сейчас другими мыслями. Ни к чему были ему сейчас эти спутники, а в одиночку он, вероятнее всего, прорвался бы; но бросить здесь женщину было бы не по-мужски, а от компаньона ее, похоже, большого толку ждать не приходилось. Ну что же, воспримем как лишнюю помеху, только и всего. Главное – не терять больше времени. И так уже...

– Мне известен еще один выход, – сказал он. – Правда, он не для туристов: над рекой, в обрыве, но невысоко. Есть в нем одно неудобство: спуститься вниз там нельзя – берег нависает, подняться – тем более. Можно только прыгнуть в реку.

– Просто ужасно, сколь многого я с собой не захватила, – сказала Ева: – ни пижамы, ни купальника...

– Я тоже, – сказал Милов, – я путешествую налегке. – Он не стал объяснять, что сумку ему пришлось бросить, когда за ним гнались; по счастью, ничего серьезного там не было, опыт давно научил самое необходимое носить в памяти и в карманах. – Да и господин Граве вряд ли предусмотрел такую потребность.

– Вы же видите, господин Милф, – у нас с собой ничего...

– Не вижу, как ни удивительно. Здесь не слишком светло, а? Ну что же, раз мы не экипированы, придется лезть в воду в чем мать родила.

– Это будет крайне неприлично, господин Милф, – сурово произнес Граве. – Если бы еще с нами не было дамы...

– Вы знаете, Граве, – сказала Ева, – я не очень любопытна.

– Тем более, что все равно ничего не видно, – добавил Милов. – Впрочем, дело ваше. Только не забудьте, что придется переплывать реку: и из-за обрыва, и чтобы обойтись без неожиданностей.

– Вы полагаете, там тоже опасно? – с некоторым беспокойством спросил Граве.

– Полагаю, тот выход известен не только мне. Итак, плыть придется, а разводиться потом костер для просушки – потеря времени, да и небезопасно.

– Вы считаете, все настолько серьезно? – спросил Граве.

– Я знаю только, что меня хотели подстрелить, – сказал Милов, – и для меня этого достаточно. Итак, решено?

– Так или иначе все вымокнет, – сказала Ева.

– Плывя, держите одежду над головой.

– Давно так не пробовала.

– Ну, отдадите мне, – сказал Милов. – Верну сухой.

– Вы крайне любезны, – сказала Ева. – Ведите нас, пещерный лев.

– Вы хотели сказать – пещерный человек, – поправил Граве.

– Хотела то, что сказала. Не придирайтесь.

– Но вы же его даже не видели, – сказал Граве, видимо, все еще колеблясь: купание, кажется, его не прельщало. – Откуда же вы знаете, что он похож на льва?

– Нам придется, – предупредил Милов, – миновать тот вход, которым воспользовался я. – Он знал, что обходного пути нет: схема ходов в окрестностях Центра была крепко запечатлена в его профессиональной памяти. – Так что никакого шума. Я иду первым, вы, Ева, кладете руку мне на плечо, а господин Граве замыкает – точно так же.

Он ощутил, как легкая ладонь легла на его плечо.

– Тронулись!

Они шагали молча, стараясь ступать в ногу. Ева сняла туфли и несла их в руке: острые каблуки тонули в песке, ноги сразу промокли.

«Одно приключение вместо другого, – думала она, ощущая под пальцами твердое плечо. – Хороший свитер, надеюсь, он не какой-нибудь дикой расцветки, хотя от русских, говорят, можно ожидать чего угодно – и прекрасного вкуса, и самого дурного... Напрасно я не надела кроссовки – с брюками вполне уместно... Правда, их снимать труднее. – Тут ее мысли пошли в другом направлении. – А мой соблазнитель! – она не удержалась и фыркнула, подавляя смех. – Бедный котик: мышка уже в углу, загнана, он и коготь выпустил – и вдруг вламываются и портят всю охоту... Но уж тут он повел себя молодцом... Странно и ужасно: еще днем мы жили в цивилизованном мире, пусть не таком зеленом и душистом, как некогда, но все же... Да, мир... В нем прежде всего страдают дети. Я недолюбливала Растабелла, слишком уж он фанатичен и ограничен, хотя и талантлив, конечно, – а теперь мне его жаль. Бедная девочка... Растабелл теперь, наверное, и вовсе перестанет сдерживаться, а ведь за ним идут люди, его даже правительство побаивается. У нас такая администрация не продержалась бы и месяца, все потребовали бы импичмента, а тут... Все-таки в Европе очень много несовременного. Кстати, я ему так и не позвонила. С телефоном никогда такого не случалось. Что-то произошло в столице? Или здесь, в городе? Этот город – как теневая столица: здесь живет Растабелл и еще многие из его компании, этот странный Мещерски, и другие... Лестер давно дружит с Мещерски, у них, по-моему, какие-то общие дела. Лестер... Слишком много секретов завелось у него в последние два года, и это не бабы – все его налеты на баб мне были известны едва ли не заранее; нет, тут другое – я думаю, он...»

Мысли прервались, когда она услышала тихое: «Тсс... стоп». Милов остановился, остальные – тоже, но рука женщины оставалась на его плече, он снял ее пальцы осторожно, почти ласково. Повернув голову, едва уловимо выдохнул:

– Обоим – лечь, только тихо... Скажу – бегите, как на сотке, свернете в первый ход направо – там я вас догоню...

Помедлил еще секунду и бесшумно двинулся дальше. Выход, тот самый, его, чуть серел в кромешной тьме пещерного хода, и более светлым пятном выделялась часть стенки напротив. Было и снаружи темно: новолуние.

«Лицо, – подумал Милов, – лицо светлое, остального им не различить. Ползком? Опасно: кто-то может сидеть у самого проема – незачем подставлять ему спину... – Он все же опустился на живот, подобрался, без единого шороха подполз к выходу – сейчас дверь была распахнута настежь, значит, стерегли, иначе заперли бы. – Что делать? Ладно, я-то проползу, но те двое – нет, не имею права...»

Решившись, он коротко кашлянул – и в ту же секунду ударили выстрелы, пули врезались в стенку хода. Охотники не ушли. У них хватило терпения.

«Неосторожно мы там разговаривали, – подумал Милов, – громко и долго, и я хорош – потерял ощущение реальности. Так что эти знали, что я возвращаюсь, лишь на долю секунды не хватило у них выдержки – начали стрелять, не дожидаясь, пока голова возникнет в проеме, на сером фоне. Странно все же, кого они против меня послали: профессионалы уже два подловили бы. Интересно, что у них тут вообще происходит? Меня об этом не предупреждали. Ну ладно, еще поиграем...»

Он не двигался с места, вслушиваясь в шорохи снаружи: там стрелявшие меняли места, хруст их башмаков по гравии был отчетливо слышен. Опершись локтями, Милов медленно изготавился, зная, что сейчас один окажется в поле зрения: снаружи казалось, верно, что в ночи их не увидеть, они не понимали, что по сравнению с непроглядностью пещеры ночная темнота была едва ли не ясным днем. Черное появилось: Милов нажал на спуск. Человек снаружи вскрикнул и упал. Снова заскрипел гравий и застучали выстрелы, но Милов лежал сейчас в мертвой зоне: чтобы убить его, надо было подойти вплотную к двери и вскочить в ход, но на это никто не отваживался.

«Да, странных людей они послали, – подумал он, – хотя и знают, что я ухватился за цепочку...»

Нервная пальба заглохла, когда Милов снял еще одного, засевшего в отдалении – выстрелил по вспышке. Наступила пауза, и тогда он негромко скомандовал своим:

– Ну, бегом!

Он знал, что у них сейчас было несколько секунд времени: находившиеся снаружи чуть отступили, решая, какую теперь применить тактику, и можно стало промелькнуть мимо хода. А вот ему самому придется еще выждать и отступать медленно: наверняка те сейчас все-таки решатся вскочить и стрелять в упор... Граве протопал мимо, Ева тоже – и вдруг остановилась прямо перед ним, подставляясь под пули, упала на колени – и он почувствовал прикосновение губ; поцелуй пришелся в висок.

– С ума сошла! – сдавленно крикнул он. – Дура! – забывшись, выругал он по-русски. Но она уже вскочила, кинулась дальше, и выстрелы извне опоздали на долю секунды.

«Сумасшедшая девка, – подумал Милов с невольным одобрением, хотя и зол был на нее сейчас. – Ну, можно и самому...» – И снова замер: судя по звукам, двое подкрадывались к выходу с разных сторон, держась вплотную к склону, в котором был выход – чтобы не подставиться. Те замерли у самого проема – он слышал их дыхание. Прошла секунда, другая, десятая – тогда Милов шумно вскочил, затопал ногами, оставаясь на месте. И мгновенно один из затаившихся влетел в ход, чтобы ударить в спину убегающему. Милов свалил его – в упор, наповал. И выметнулся наружу, и прикончил последнего, не дав ему опомниться.

«Самооборона», – подумал он, представив, как ему потом достанется за лихую стрельбу, если удастся выкрутиться живым, конечно. А нет – что же, никто особенно не пожалеет, Аллочка уже замужем, только коллеги разве что...

Ну, что сейчас снаружи – может быть, здесь и выйти, путь-то расчищен...

Он замер на секунду – и выстрелы снова прозвучали, хотя и с дистанции: видимо, слышав перепалку, сюда начали стягиваться и какие-то другие люди. Милов подхватил пистолет свалившегося у входа – плоский браунинг, оружие непрофессиональное; подскочил к первому

убитому – у того был винтовочный обрез, и вовсе ненужный, зато у лежавшего в пещере оказался армейский пистолет.

«Странно, – подумал Милов, – ни одного автомата; нет, как-то не так все происходит, непривычно, любительство какое-то, а меня ведь ориентировали на специалистов... Да, надо как-то разобраться в этой обстановке, а то, может быть, я вовсе не в свое дело ввязался?..» – Но больше думать было некогда, и Милов побежал вдогонку своим. Надо было правым ходом пробираться к реке, пока те еще не принялись травить всерьез. Спасение было в скорости, и он припустил так, что снова противно застучало в голове.

Двое ждали его, как и было условлено. Он подошел к ним, как умел, бесшумно. Те приглушенно разговаривали.

– Чужой человек, – говорил Граве, – по-моему, не заслуживает доверия. Не будь он еще русским... Не надо ждать его, я надеюсь, мы и сами тут выберемся, я сделаю все, чтобы вы вернулись домой, к мужу, целой и невредимой.

Милов застыл: интересно было, что прозвучит в ответ.

– Подите вы к черту, Граве, – ответила женщина спокойно, – мы ведь не по схеме компьютера пробираемся, там я бы вам доверилась... Да и все равно: своих не бросают. Вы стойте тут, а я вернусь: может быть, его ранили...

– Может быть, убили, – ответил в свою очередь Граве, – и вы попадете прямо в руки этим...

– Чем это здесь пахнет? – спросила Ева. Милов невольно принюхался: и в самом деле, воздух здесь был немного другим, отдавал чем-то таким – не бензином, не кислотой, но что-то было в нем постороннее.

– Да, – сказал Граве, – что-то такое есть на самом деле...

– Это запах вашей трусости, – сказала Ева.

Граве обиженно засопел, Милов усмехнулся: сказано было не по делу, но весьма определенно. Он беззвучно ступил.

– Нет, без меня вам не выбраться, господин Граве, – сказал он, – тут впереди лабиринт, и вы проплутаете в нем до конца жизни, а мне маршрут известен. Тут озерцо впереди, подземное – видимо, в него натекло всякой дряни – вот оно и пахнет. Ваш Центр, думаю, что-то сбрасывает не по адресу.

– Ох, Дан, – сказала Ева, – и он с непонятным удовольствием уловил в ее голосе радость. – Наконец-то, а то я уже испугалась.

– Спасибо, Ева, – сказал Милов. – Теперь поторопимся: похоже, что становится все более сыро, словно бы вода выступает снизу – не знаю, отчего. Готовы?

– Да, – ответила Ева, а он нашел в темноте ее руку и положил на свое плечо.

– Двинулись, – сказал он, и они пошли. Сзади было тихо. Под ногами уже ощутимо хлюпало, хотя уровень реки находился намного ниже, это Милов помнил.

«Сплошные загадки, – подумал он, идя с вытянутыми вперед руками – одна прямо, другая чуть выше головы, чтобы не налететь ни на что сослепу. – Ничего, выскользнем; но что все-таки тут творится? Очень невредно было бы понять...»

Выбраться удалось благополучно: три мягких всплеска, прозвучавших почти слитно, не нарушили черного безмолвия ночи ни криком, ни выстрелом. Вода была не холодной, но какой-то скользкой, маслянистой, противной по ощущению, и пахла дурно. В этой реке уже пять лет не купались – наука и техника своего добились. Трое поплыли к противоположному, правому берегу не быстро и бесшумно, равняясь по женщине. Она плыла медленнее других, и Милов все время держался рядом – греб он одной рукой, другую, со своей и ее одеждой, держал над головой. Вода слегка обжигала, раздражала кожу. «Интересно, чего только ни сбрасывали в

нее за последние годы, – думал Милов, – а ведь тут еще аккуратисты. Другие, выше по течению, и вовсе совесть потеряли...»

Добравшись до берега, трое вздохнули облегченно: пусть и бессознательно, в воде они каждую секунду ожидали выстрелов вдогонку, а здесь уже можно было как-то укрыться. Пригнувшись, пробежали в прибрежный кустарник. Граве на бегу закашлялся.

«Нет, все-таки в пещере воздух был чище», – подумал Милов. Среди кустов он, не одеваясь, стал рвать жухлую траву, обтираться ее пучками: кожа требовала, чтобы с нее сняли грязь – экскременты цивилизации. Глядя на Милова, стали вытираться и те двое, только Ева отошла чуть подальше, заслонилась кустом, Граве же просто повернулся спиной. Милов покоился туда, где двигалось тускло-белое, невольно сбивавшее с нужных сейчас мыслей женское тело. Вдруг вспомнилось, как они с Аллочкой вот так, среди ночи купались в Оке: сколько же это уже времени прошло? Он не стал подсчитывать, ни к чему было. Одевшись, все трое поднялись на пригорок и присели, чтобы оглядеться и собраться с мыслями. Ева же – еще и для того, чтобы растереть совершенно окоченевшие ступни; просить об этом мужчин ей сейчас почему-то не хотелось, хотя и естественно было бы.

Отсюда, с холмика, открывался хороший вид на Научный центр, и можно было залюбоваться гигантским, хорошо ограненным, сияющим огнями монолитом хрусталя: именно таким представлялся отсюда главный корпус. На Центр денег не пожалели, начиная уже с проекта, строили всем миром и собрали в него едва ли не все лучшее, что только существовало в современной науке – чтобы умирить национальные и державные амбиции и принести побольше пользы всем, а не сидеть по углам, общаясь через журналы. Время на Земле вроде бы спокойное, разоружались искренне, снова начали ощущать забытый было вкус к жизни, без сердечного сбоя поднимать глаза к небу, не опасаясь, что безоблачная глубина вдруг разразится дождем из тяжелых семян, из которых вырастают гигантские грибы, дышащие ветром пустынь. Из оружейной науки пошло в цивильную так много, как никогда еще: демонтировали ракеты и боеголовки, но технологии оставались, и оставались мозги: серое вещество требовало нагрузки. Международный штиль позволял людям из разных, порой очень различных стран общаться и работать без задних мыслей; не то, чтобы все противоречия в мире разрешились, этого придется – все понимали – ждать еще долго-долго – но все же человечество куда больше почувствовало себя чем-то единым, планету – неделимой территорией, где границы, оставаясь на своих местах, перестали быть стенами или занавесами – если и не для политиков, то уж для ученых – во всяком случае. Поэтому такие вот центры – и отдельных наук, и синтетические, и технические – возникали все чаще: ведь и с деньгами в государственных бюджетах стало полегче – демонтаж ракет обходился все-таки дешевле, чем их строительство и испытания. В науку и технику пришло немало и военного народа – правда, чаще администраторами, чем учеными, однако без хороших менеджеров в наше время науке не процвести – это давно стало понятным. Так что золотой век если и не наступил, то уже, по крайней мере, мерещился где-то не в самом далеке. В общем, много уже было сделано полезного, и даже такое многотрудное дело, как нахождение взаимоприемлемого компромисса между цивилизацией и природой, начинало казаться в конечном итоге осуществимым – но не сразу, не сразу конечно.

«Оттого-то и бывало так приятно, – думала Ева, яростно растирая ступни и лодыжки, совсем уже потерявшие было чувствительность, – приходиться сюда вечерами по изящному мосту, прекрасно вписанному в пейзаж, и смотреть – не с этого дикого пригорка, но с другого холма, повыше, куда и лестницы удобные вели, и вершина была выровнена и забетонирована, имелось, на чем посидеть, и напитки, и легкие закуски продавались в изобилии».

Но и отсюда, где сейчас переводили дыхание трое мокрых и далеких от спокойствия людей, приятно было любоваться сияющим хрустальным монолитом, привычно узнавая и административный этаж, и ярусы ресторана и увеселительных заведений, а выше – технические службы, а еще выше – этажи математиков, теоретиков, экономистов, правоведов, философов,

теологов, наконец. Клиника, как и полагается, находилась не в Кристалле, а в собственном здании, на отшибе, как и многие другие институты; однако лабораторию ОДА разместили, когда стало необходимым ее создать, именно в монолите, потеснив историков и филологов, специалистов по мертвым языкам: жизнь предстоящая как бы вытесняла память о былом, но это лишь казалось, потому что чистый воздух, которого требовали пациенты лаборатории, был намного древнее и мертвых языков, и старейших мифов – не говоря уже о каких угодно письменных свидетельствах. Такое решение было понятным: клиника, с ее постоянной угрозой переноса инфекций, для младенцев никак не подходила, а свой собственный корпус, не с десятком термобоксов, а с сотнями, должны были заложить лишь в конце года, чтобы открыть его весной.

Да, и Кристаллом можно было любоваться, и многими другими сооружениями, среди которых даже самые прозаические по назначению выглядели маленькими шедеврами архитектуры и инженерии, – да такими, собственно, и были, хотя поражали не столько красотой своей, сколько неожиданностью. Жизнь цвела и двигалась и во всех этих строениях, и в переходах, воздушных и подземных, и на автомобильных аллеях и стоянках, и на вертолетной площадке на самом верху Кристалла – одним словом, везде. Кроме разве парка: так называлось пространство вокруг небольшого пруда (официально его предпочитали называть озером), упорно зараставшего всякой дрянью, – эта часть территории была засажена деревьями, еще не так давно совершенно здоровыми, а теперь несколько привядшими, как и везде. Газоны разграфлены аллеями: предполагалось, что там будут в свободные часы прогуливаться корифеи наук, а поучающиеся станут с жадностью подхватывать их глубокие мысли и безумные идеи. Ученые, однако, эту рощу невзлюбили, потому что от пруда несло откровенной тухлятиной научно-технического происхождения – зато ночами там собиралось множество кошек.

Да, все это было видно отсюда, как и некоторые из множества тяготевших к реке от химических, биологических и всяких других заведений трубопроводов, снабженных, разумеется, очистными устройствами. Дорогие и убедительные, они, видимо, все же не до конца оправдывали надежды, отчего прекрасно вымощенная плиткой и ярко освещенная набережная, как и парк, почти совершенно пустовала. Окрестное население, – такое было, – уже не раз и не два выражало неудовольствие самим существованием Центра, от которого якобы передохла рыба, и хорошо еще, если только рыбой дело ограничится. Жители даже, наняв адвоката, составили однажды петицию, в которой требовали перенести науку куда-нибудь, хоть в центр Антарктиды, а их, туземцев, оставить в покое в презренном невежестве. До суда, однако, не дошло, потому что истцам резонно ответили: во-первых, что если не Центр, то тут воздвигли бы что-нибудь еще погромче, погрязнее, подымнее и поядовитее; прогресс нельзя остановить, и всякое место, на котором можно что-то построить, никак не имеет права оставаться в первозданной запущенности; и во-вторых, в Европе полно продовольствия, куда же фермеры станут девать продукты своего труда, если Центр вдруг исчезнет с лица земли? Даже и русский рынок ведь не бесконечен. Обитатели окрестных ферм и деревень смирились, по крайней мере внешне, а к тем, кто все еще ворчал, – привыкли. Как-никак, Центр платил хорошо и хорошими деньгами, настоящими. Так что и днем, и ночью научно-технический прогресс являл здесь миру свой лик – несколько надменный и самоуверенный, но исполненный выражением заботы о всяческом расширении Знания – на благо людей, разумеется, кого же еще.

И сейчас, ночью, взгляду с пригорка, поросшего травой, что начинала сохнуть, едва успев проклюнуться, и болезненным, тоже как бы расхотевшим расти кустарником, лик этот казался настолько внушительным, успокаивающим, обнадеживающим, а элегантные линии строений – такими неизменно-вечными, что уже не верилось, что вот еще только минуты тому назад людям приходилось спасаться в узких пещерных ходах и убивать других, чтобы не быть убитыми этими другими – по причинам, пока еще совершенно непостижимым. Успокоение внушало и несильное зарево, поднимающееся далеко отсюда, за лесом, над небольшой и очень надежной АЭС, делавшей и Центр, и поселок ученых совершенно независимым от всей осталь-

ной Намурии. Когда ставили Центр, энергии в стране не хватало, большая гидростанция только еще строилась, и Центру удалось получить разрешение намурийского правительства, что обошлось, правда, недешево. Теперь ГЭС уже давала ток, обширное водохранилище заполнилось до проектной отметки, затопив, правда, с десяток селений – естественно, без человеческих жертв, остальное же, с точки зрения прогресса, сожаления не заслуживало. Когда гидростанцию пустили, возникли разговоры о переводе Центра на общее энергоснабжение и о закрытии АЭС Центра; однако переговоры обещали затянуться надолго, как это обычно и бывает.

Да, красиво все это было и внушительно. Но стреляли-то почему и зачем?

– Так что же все-таки там у вас стряслось? – поинтересовался Милов.

Уже почти совсем оправившись после неожиданных приключений, волнений, страха и вынужденного купания, они все еще сидели, чувствуя себя в относительной безопасности и как бы оттягивая мгновение, когда придется встать и, очень возможно, снова подвергнуть себя каким-то угрозам. Было тихо, только Граве временами громко и каждый раз неожиданно икал – верно, никак еще не мог согреться.

– Да перестаньте, – сказала Ева, – уймите свои страхи и не нарушайте торжественной тишины.

– Я не боюсь, – возразил Граве, – просто я так реагирую на охлаждение. Вы спрашиваете, что стряслось, господин Милф? Нечто такое, что не укладывается в моем сознании. Нечто небывалое, скажу я вам. Вот именно. Поселок жил своей нормальной вечерней жизнью, поселок, в котором живут ученые и кое-кто из служб Центра. Ну, вы представляете, как в таких поселках проходят вечера...

«Черта с два я представляю, – подумал Милов. – Никогда не жил в таких поселках, да и с учеными что у меня общего? С этими – одно, пожалуй: я тоже представляю здесь ООН – только в другой области деятельности. У каждого свои проблемы...»

– Ну, разумеется, могу себе представить, – ответил он вслух.

– И вот в этот спокойный, совершенно благопристойный, могу вас заверить, поселок внезапно врываются какие-то... Не знаю даже, как их назвать...

– Психи, – сказала Ева.

– Во всяком случае, какие-то совершенно неприличные люди, хулиганье. Вооруженные пистолетами, охотничьими ружьями, не знаю, чем... Врываются в коттеджи. И начинают, вы не поверите, избивать людей, крушить все вокруг себя – мебель, посуду, лампы, книги, бить окна... Я как раз занимался терминалом в доме профессора Ляйхта – они разбили весь компьютер, это акт вандализма, нет другого слова... Меня сильно ударили в спину, я вынужден был покинуть дом. Я хотел сесть в машину и уехать, но на стоянке было множество таких же головорезов – боюсь, что машина может пострадать... Тогда я побежал ко входу в пещеры. В этом направлении бежали и другие, за нами гнались, но мне удалось ускользнуть – мне и вот доктору Рикс... Это было ужасно, ужасно – они избивали людей, стреляли – я надеюсь, что в воздух, но выстрелы раздавались совершенно отчетливо...

– Интересно, – пробормотал Милов. – Откуда же они взялись?

– О, на этот вопрос я, к сожалению, могу ответить совершенно точно: это были местные жители, фермеры, сельскохозяйственные рабочие... Да, как ни постыдно, это были намуры. А ведь мы испокон веку отличались спокойным, уравновешенным характером. Если бы это совершили фромы, я, откровенно говоря, не очень удивился бы; поверьте, мне чужда всякая национальная ограниченность, я ни в коем случае не расист, но фромы есть фромы, это вам скажет кто угодно... Но это были намуры, господин Милф...

– Так что судьба остальных жителей вам неизвестна?

Ответила Ева:

– Люди бежали, как я заметила, главным образом к Центру; а куда еще можно было деваться? Надеюсь, им удалось добежать. В пещере, кроме нас двоих, никого, кажется, не оказалось, и туда за нами никто не погнался.

– Поселок далеко от Центра?

Ева встала, вытянула руку:

– Примерно там... Обычно его легко опознать: над ним тоже как бы световой купол, особенно когда в небе облака. А сейчас совершенно темно...

Граве снова икнул. Ева подошла к нему, села рядом, обняла, сказала:

– Грейтесь, а то мне даже жарко стало от таких воспоминаний. А вообще, когда вы в последний раз были у психоаналитика? – Граве не ответил. Налетел ветер, принес душливо-тошнотворный запах. Ева фыркнула, Граве закашлялся, потом пробормотал:

– Это снова органики что-то такое выплеснули.

– Какая разница? – отозвалась Ева.

– Да нет, я просто так.

Милов краем уха слушал их разговор, думал же о другом. Нет, это все к нему отношения не имело. «У меня другая задача, – думал он. – Главное – оказаться в нужное время в нужном месте, не то груз опять уйдет – и канет неизвестно куда, как и в прошлый раз. Нет, чую, цепочка не зря ведет через этот самый Центр. Но если там сейчас беспорядки... Ну, все равно, его-то я разыщу...»

– Простите? – спохватился он, поняв, что обращаются к нему.

– Я говорю: скорее всего, это месть фермеров. Центру не следовало отказываться от закупок. Это было так неожиданно и для фермеров столь болезненно... Нет, я не оправдываю их, не поймите превратно, но ведь они на это рассчитывали, и вдруг...

– Вовсе не вдруг, – не согласилась Ева. – Мы их уже не раз предупреждали: содержание нитратов в овощах выше всяких допустимых пределов. У Центра достаточно денег, чтобы получать за них доброкачественную пищу.

– Простите меня, доктор, но это эгоизм, – сказал Граве обиженно. – Конечно, вы иностранка, но мне, намуру, не все равно, как будут жить наши фермеры. Поверьте, им не так-то легко, и в какой-то степени их можно – нет, не оправдать, разумеется, но во всяком случае понять логику их мышления...

– Понятно, – сказал Милов, хотя рассуждения Граве его совсем не убедили. Впрочем, чего не случается на свете... – Значит, поселок они разгромили? – Он встал, с удовольствием потянулся. – Ну, кажется, мы достаточно отдохнули... Глядите-ка, а ведь там уже не так темно, как было только что!

И в самом деле, облака над местом, где находился поселок, словно бы посветлели.

– Ну, слава Богу, – сказала Ева. – Значит, все кончилось, люди вернулись. Может быть, и мне?.. – подумала она вслух. Милов смотрел на облака, они становились все ярче.

– Нет, – сказал он, – думаю, это не обычное освещение. Может быть, это и не поселок вовсе?

– Но там именно Сайенс-виллидж, – сказала Ева, – ничего другого там нет.

Зарево разгоралось неровно, как бы играя – но упорно.

– Если это поселок, то он горит, – сказал Милов, – другого объяснения не вижу.

После этих слов они смотрели молча. Потом Граве сказал:

– Да, это, несомненно, пожар. Колоссальный. Какой смысл исправлять компьютер, который все равно сгорит – даже и то, чего они не успели разбить?

– Господи, – пробормотала Ева, – почему, почему? За то, что мы не купили у них сколько-то тонн капусты или томатов? Это же немыслимо и бессмысленно, это невозможно понять!

– Ну, – сказал Граве, – люди бежали в спешке, кто-нибудь забыл выключить нагревательный прибор, а от этого до пожара – один шаг.

– Пожалуй, нет, – сказал Милов, – очень уж бойко горит. – Случайный пожар не распространяется так быстро: ветра почти нет. Тут скорее поджог, с разных сторон одновременно. Очень благородно с их стороны, что хоть людей выгнали из домов.

Ева усмехнулась, сказала:

– Ну, меня вот не очень выгоняли – наоборот, несколько молодых людей хотели задержаться со мной в доме. Юнцы, физиономии в прыщах, решили, видимо, познакомиться вплотную. Да, вот еще что: на груди у каждого из них был пришпилен дубовый лист – по-моему, не настоящий, а то ли пластиковый, то ли матерчатый... Отличительный знак, так сказать.

– Нет, – сказал Граве уверенно, – наши фермеры так не стали бы.

– Как же вам удалось избавиться? – поинтересовался Милов.

– Помог хозяин дома, каратист, между прочим.

– Понятно, – сказал Милов, – а почему он не убежал с вами?

Ева ответила не сразу:

– Потому что я убежала сразу. Очень испугалась. Сейчас мне самой противно.

– Как бы там ни было, господа, – сказал Граве и тоже встал, – надо идти. Машины наши, вероятно, погибли, но моя застрахована, и ваша, доктор, тоже, я надеюсь? Воспользуемся ранним автобусом, только не пойдем на обзорный холм, а прямо к мосту, там он делает остановку. Да-да, я понимаю, очень прискорбно, но сейчас мы никому и ничем помочь не в состоянии – кроме наших семей. Вот и поспешим к ним. Или вы собираетесь оставаться здесь до скончания веков?

– Боюсь, – сказала Ева, – что скончание веков уже наступило.

Мужчины повернулись к ней. Она стояла, вся подавшись вперед, глядя туда, где за лесом, едва проступавшим на левом берегу, в отдалении (за эти годы лес медленно, но решительно отступил от реки, которая вместо жизни – или вперемешку с нею – несла все более концентрированную гибель; у деревьев, надо думать, есть какой-то свой инстинкт, и если каждое в отдельности уйти от опасности не может, то лес в целом такой способностью обладает, так же, как и противоположной: возвращаться, когда угроза миновала и враг леса – цивилизованный человек – оказался вынужден убраться прочь) стоял город, хотя отсюда не увидеть было и высочайшей из его кровель или башен, но и над ним должно было светить ночное зарево. Однако сейчас в той стороне было совершенно темно, и для всех, исключая Милова, в этом было нечто неестественное и страшное.

– Ни искорки, – сказала Ева почти жалобно. – Ни проблеска...

– Наверное, перебои с энергией, – успокоил Милов. – Это лучше, чем пожар.

И сделал было шаг, чтобы спуститься к реке. Однако оба его спутника по-прежнему стояли, словно в оцепенении: минувший день закончился неожиданно недобро, и от ночи следовало, наверное, ожидать каких-то новых и не менее угрожающих сюрпризов.

– Знаете, господа, – неожиданно откровенно сказал Граве, – мне страшно. Не напрасно ли мы успокаиваем себя?

Ева вцепилась пальцами в его плечо, тоже напуганная молчаливым мраком, которого даже горящий поселок не мог одолеть.

Милов остался как бы в одиночестве. Он был чужаком тут, и не его город это был, и дела у него были – свои, особенные, его спутников совершенно не касающиеся. Наверное, пора было прощаться с ними и следовать своим путем; город пока его не интересовал: его очередь, города, должна была наступить позже. Все было тихо, так что оба спутника Милова, у которых город создавал чувство общности и единой судьбы, наверняка смогут спокойно добраться до дома на своем автобусе. Надо было уходить, иначе он рисковал попасть в жестокий цейтнот. И все же что-то мешало вот так сразу повернуться и двинуться своим путем. Может быть, как раз потому, что был он здесь посторонним, он сохранил способность думать трезвее и, не

имея пока никаких доказательств, как-то нутром, что ли, чувствовал: что-то не так, не в отказе покупать капусту было дело, а значит, инцидент мог оказаться не единственным, и опасность, какой бы она ни была, далеко еще не миновала – интуиция говорила так, а он привык доверять ей. Значит, рано еще было уходить? Он уже повернулся было, чтобы поторопить их, но тут горожане и сами вышли, наконец, из своей бездвижности.

– Я чувствую, как Лили зовет меня! – патетически сказал Граве. Дрожь его прошла, голос звучал едва ли не героически.

Ева же, напротив, попыталась погасить волнение насмешкой.

– Bravo! – сказала она. – Вот заговорил мужчина. А вы, Дан, не спешите спасти свою благоверную? Туристы ведь ездят семьями. Где вы, кстати, ухитрились потерять ее? Или она предоставляет вам неограниченную свободу действий?

«Черт знает, что я говорю, – подумала она сама. – Зачем?»

– Я езжу один, – сказал Милов. – Догадался своевременно развестись – давным-давно.

– О, – сказала Ева, – куда только смотрят женщины? Какой шанс упускают! Ну, пора идти. Вы, надеюсь, с нами? – Это был даже не вопрос, но утверждение.

– С вами, – сказал Милов, прикинув еще, что до Центра добраться куда быстрее можно будет по шоссе, доехав на автобусе до перекрестка. – Во всяком случае, часть пути сделаем вместе, а уж там – помашу вам рукой на прощание.

– Значит, бросите нас на произвол судьбы, – сказала Ева.

Вместо ответа Милов протянул оба захваченных в пещере пистолета:

– Возьмите на всякий случай...

– Нет-нет, от этого избавьте, – сказал Граве и спрятал руки за спину. – У меня нет разрешения полиции на ношение оружия, и я не вправе...

– Давайте, Дан, – кивнула Ева.

– Справитесь?

– Ну, я современная женщина. Не беспокойтесь. Вряд ли он понадобится, я беру его как сувенир – на память...

– Гм, – сказал Милов несколько смущенно и засунул второй пистолет в карман. – А я-то надеялся избавиться от лишнего груза. Господин Граве, вы можете получить его, как только попросите.

– Нет-нет. Очень вам благодарен, но... Обождите, господин Милф, нам же не в ту сторону! Мост – там!

– Знаю. Но вы уверены, что на мосту – чисто?

– А вам нужно, чтобы было подметено? – не утерпела Ева.

Милов усмехнулся:

– Простите, это жаргон... Понимаете ли, у меня есть сильное подозрение, что там не безопасно. Когда стреляют и преследуют людей, это не кончается так быстро и безболезненно, поверьте, охота на людей – старый, но вечно увлекательный спорт. Поэтому я предлагаю идти вброд.

– Что, снова стриптиз? – недовольно спросила Ева.

– Могу помочь раздеться, – усмехнулся Милов.

Он и сам не понимал, почему вдруг брякнул такое – нелепое и пошлое. «Стыдно», – подумал он с осуждением.

– Я иногда принимаю такую помощь, – ответила Ева вызывающе, – но не от первого встречного. Только тогда попрошу мужчин отвернуться: уже не так темно.

Это говорилось уже на ходу: они все прибавляли и прибавляли шагу.

Трое шли, наискось приближаясь к воде, и Милов, как и в пещере, шагал впереди – умеренно, словно был гидом и не раз водил экскурсии по этим местам. Граве этого даже не заме-

тил; торопливо переступая короткими ногами, он был душой уже весь в городе, у себя дома, рядом с Лили. Ева оказалась наблюдательнее – и потому, что была женщиной, и еще, наверное, ничья судьба не волновала ее настолько, чтобы совершенно отвлечь от реальности. Увязая каблучками в песке, она нагнала Милова и пошла рядом.

– Вы говорили, что впервые здесь, Дан?

– Так оно и есть. Что вас смущает?

– Слишком уж уверенно вы идете.

– Я опытный путешественник, и заблаговременно изучаю местность по картам.

– И на них обозначен каждый брод?

Он усмехнулся.

– Вот именно: каждый брод.

– Дан, вы...

– Что, Ева?

– Нет, ничего.

Милов замедлил шаг.

– Что такое? – Она невольно перешла на шепот. Он ответил так же:

– Кусты на берегу. Стойте тут, а я проверю.

– Но ведь все спокойно...

– Дай-то Бог, – сказал он. Шагнул – и растворился в темно-серой мгле. Еве сразу стало зябко. Река плескалась совсем рядом, и в стороне, выше по течению, на поверхности воды играли блики: выстроенный из дерева поселок вдалеке горел так сильно, что отблески пламени достигали даже реки. Граве стоял у Евы за спиной, громко сопя.

– Нет, нет, – вдруг сказал он в полный голос. – Все чушь. Нелепость. Земледельцы сошли с ума, но это еще не значит...

Она, не поворачиваясь, нащарила его руку, стиснула до боли.

– Граве, смотрите... Видите?

– А что я должен увидеть, доктор?

– Да не вверх глядите, а на воду!

Что-то плыло по течению – темное, удлиненное, слишком маленькое, чтобы оказаться лодкой.

– Да, вижу. Какая-то колода, я думаю.

– Граве, я боюсь...

То плыл труп. Река несла его неторопливо, словно в торжественной похоронной процессии.

– По-моему, это все-таки бревно, – неуверенно сказал Граве. – Конечно, оно имеет некоторое сходство...

Милов возник неслышно, как и ушел.

– Идемте, – сказал он. – Тут спокойно.

– Дан, я не полезу в эту воду... в ней плавают мертвецы. Ужасно!.. Что это значит?

– Что убивают людей.

– Но почему, зачем?

– Боюсь, что мы это узнаем. Мужайтесь, Ева, другого пути нет. – Он остановился у самого уреза воды, прислушался. – Тут.

– Ладно, – со вздохом проговорила Ева. – Только на этот раз я пойду последней: уж очень густой загар ложится на голое тело от ваших взглядов.

– Я надеюсь, вы не подозреваете меня... – негодуяше начал Граве.

– Да нет, конечно, – сказала Ева, – просто я в настроении шутить. Ну, идемте, не то я совсем замерзну, простуда и так уже мне обеспечена.

– Боюсь, что вызвать врача будет трудненько, – сказал Милов, ступив в воду и ногой пробуя дно. – Теперь никакой самодеятельности, ни шагу в сторону – огонь будет открыт без предупреждения. Не бойтесь: я тоже шучу...

Они медленно двинулись, слышался только легкий плеск, и лишь однажды Ева издала сдавленное «Ох!» – оступилась, видно, однако справилась и шла вместе со всеми, не отставая.

– Вы осторожно, – тихо сказал Милов, – тут дно паршивое.

– Это я уже поняла, – так же приглушенно отозвалась женщина.

Вода, которую они расталкивали сначала бедрами, потом грудью, казалось, стала еще жирнее, неприятнее на ощупь, чем была, в ней попадалось больше всякого плавучего мусора, потом проплыли еще два труп. Один – ближе к левому берегу, к которому они направлялись, и тень почти совсем скрыла его от падавших на воду отблесков пожара; из-за них вода местами, казалось, сама то и дело вспыхивала холодным радужным пламенем. Другой труп проскользнул почти рядом; он плыл лицом вверх, но черты лица было не разглядеть, еще слишком темно было, и Милов лишь понадеялся, что это не тот был, чей снимок он видел и запомнил, кого нужно было встретить в Центре не далее как утром, которое все приближалось. На мгновение Милов поднял глаза к небу; оно понемногу затягивалось дымкой, слишком много всего в поселке уже сгорело и продолжало гореть, но дым, к счастью, проносило левее. И он не мешал дышать.

Милов ногой нащупывал место для каждого нового шага, середину они уже миновали – и вдруг с левого берега неожиданно и сокрушительно хлестким потоком голубого света ударил прожектор, уперся в правый, теперь уже дальний берег, подполз к воде, осторожно опустился на нее и начал высвечивать, но не равномерным сканированием, а рывками, зигзагами – видимо, управляли им люди неопытные. После едва ощутимой заминки Милов прошипел: «Нырять!» – настолько повелительно, что у спутников его не мелькнуло и мысли о неподчинении. Головы скрылись под маслянистой поверхностью, но луч прошел мимо, хотя и под водой свет был так силен, что ощущался даже кожей. Ева, начав уже задыхаться, первой высунула голову, волосы ее повисли, словно водоросли, с них стекала вода, едва слышно журча. «Прощай, красота», – пробормотала она с печальной насмешкой. «Быстро к берегу!» – скомандовал Милов. Они зашагали, расталкивая воду теперь уже коленями, не стесняясь более шума: тут и сама река не молчала в неровностях берега. «Глаза щиплет», – пожаловалась Ева. «Надо было зажмуриться плотнее, тут вам не Майями Бич, – сердито выговорил ей Милов. – Ну-ка, давайте сюда».

Они были уже на берегу, на песке, и Милов, повернувшись, подступил вплотную к женщине – она отчаянно терла глаза пальцами, но легче не становилось, – с силой отнял ее руки, взял голову Евы в ладони. «Да не жмурьтесь сейчас! – тихо прикрикнул он, – раньше надо было, там, в воде!» Они стояли сейчас почти вплотную, голые, соприкасаясь грудью, но как бы вовсе не понимали или не ощущали этого. Ева машинально положила руку на его плечо, он и не почувствовал вроде бы, приблизил свое лицо к ее, пегому от растекшегося грима. Граве возмущенно отвернулся и поспешил отойти подальше: происходившее выходило далеко за всякие мыслимые пределы не то что приличий, а... а... ну, одним словом. Милов стал языком вылизывать ее глаза, поминутно сплевывая. Она стояла покорно, и еще секунду оставалась так, когда он уже отошел, и только после этого вдруг едва не захлебнулась дыханием, словно придя в себя. Граве в отдалении успел уже обтереться травой и теперь поспешно одевался, бормоча: «Господа, я сильно опасаюсь, что мы опоздаем...» Луч прожектора широко промахнул поверху, но теперь они его не боялись: они были внизу, под обрывом, а прожектор – высоко на берегу.

– Как фильм о войне, – сказала Ева, одеваясь. – А я думала, что такое никогда не повторится...

– Нет, – сказал Милов задумчиво, – на войну не похоже, но и на полный мир тоже. Трудно сказать, что происходит, но думаю, что мы не зря пренебрегли мостом.

– Я сейчас мечтаю о примитивной вещи, – сказал Граве. Он приблизился к ним медленно, как бы опасаясь какой-то новой нескромности, что было бы, по его затаенному мнению, совершенно не удивительным: русский, американка – чего еще можно от них ожидать?.. – Да, о крайне примитивной: добраться до дому, поцеловать жену, лечь в постель, а утром, проснувшись, узнать, что все это наваждение кончилось – и забыть раз и навсегда!

– А если я не хочу забыть? – подняла голову Ева. – Дан!

– К вашим услугам, красавица!

Красавицей ее сейчас – в космах, которые она кое-как пыталась расчесать, в потеках косметики, уже различимых в занимавшемся рассвете, – никак не назвать было, но Милов знал, что на такое обращение женщины не обижаются ни при каких обстоятельствах. А кроме того, если забыть о пятнах и мокрых, жирных, спутанных волосах, была она и на самом деле очень привлекательна, а может, и больше того.

– Мне было хорошо, Дан, когда мы так стояли, – проговорила она без тени смущения.

– Спасибо, – серьезно сказал он. – И мне.

– Хочу, чтобы это повторилось.

– Обещаю, – так же серьезно ответил Милов.

– Господа, – просительно сказал Граве, – сделайте одолжение... Нет, я совершенно не собираюсь вмешиваться в ваши дела, но мы, намуры, относимся ко всем аспектам морали чрезвычайно серьезно... Мы – спокойный, уравновешенный народ, мы любим тишину и порядок во всем...

– Это заметно, – сказал Милов.

– Господин Милф, отдельные эпизоды, разумеется, не исключены, да, преступники есть и у нас, хотя это, как правило, фромы. И тем не менее я зываю к вашей порядочности...

– Извините, Граве, – сказала Ева. – Я не хотела вас шокировать, просто... Одним словом, идемте. Мне тоже не терпится принять ванну. Где ваш автобус?

– Придется идти вдоль реки, у самой воды, а уже близ моста поднимемся наверх, там как раз находится остановка. Можно подняться и здесь, но, несмотря на тишину, я теперь опасаясь...

И в самом деле было тихо, и луч прожектора погас.

– Правильно опасаетесь, – сказал Милов. – Ну, теперь ведите вы.

Идти по влажному песку было легко. Все более светлело. Поселок вдалеке, видимо, уже догорал – зарево совсем ослабло, пламя не поднималось столбами, и река казалась теперь черной, как только что заасфальтированная дорога. Ветер иногда налетал слабыми порывами и, отразившись от высокого берега, чуть рябил воду. Почти ничто не нарушало тишины; впрочем, это, может быть, сюда, под обрыв, не доносились звуки: и Центр, и город были там, наверху. После очередного порыва ветерка Милов принялся:

– Бензин? – предположил он вслух.

– Ну вот, пора подняться, – вместо ответа проговорил Граве. – Тут должна быть тропинка, попробуйте отыскать ее, господин Милф, – я плохо вижу в таком свете.

– Обождите, – Милов медленно прошел вперед. – Кажется, вот она. Да, похоже.

– Дан, – сказала Ева, – а тропинок на вашей карте не было?

– Таких – нет. Я поддержу вас, Ева, тут круто.

– Господа, – сказал Граве, – вы помните, я просил вас не позволять себе ничего нескромного...

– Не уговаривайте, – сказал Милов, – я все равно обязательно позволю. Но не при вас. Ну, полезли.

Они выбрались наверх и остановились. Наверху было чуть светлее.

– Тут осталось два шага, – сказал Граве.

– Идемте.

Через минуту-другую они действительно вышли на асфальтированную площадку рядом с дорогой. Автобуса там не оказалось.

– Придется, видимо, немного подождать, – сказал Граве. Он взглянул на часы. – Нет, не разберу... Однако я уверен, что автобус еще не проходил.

– И не пройдет, – ответил Милов невесело. – Смотрите.

Если бы они все еще шли низом, то неизбежно наткнулись бы на него. Автобус валялся под откосом берега на боку, передняя часть его уходила в воду.

– Вот откуда бензином пахло, – сказал Милов.

– Что же нам делать? – растерянно проговорил Граве.

– Идти пешком.

– Смотрите, и столбы повалены, – сказала Ева тревожно.

– Похоже, это не только капуста, – проговорил Милов. – Ну, в путь. Жизнь становится чем дальше, тем интереснее.

И они двинулись быстрым шагом.

– Вы не могли бы помедленнее? – попросила Ева. Туфли свои она еще внизу то ли потеряла, то ли бросила, и снова шла теперь босиком; видимо, это было для нее непривычно. – Тут все колетса, – объяснила она, – и мне надоело прыгать горной козочкой.

– Ничего удивительного... – проворчал Милов. – Картины одна другой краше.

– Я не узнаю Намурии... – проговорил Граве с искренним трагизмом в голосе.

И в самом деле, то, что они видели сейчас и среди чего, находились, не очень походило на то представление о Намурии, которое возникало по рассказам путешественников, туристским проспектам и рекламным плакатам, хотя все это, в общем, и соответствовало действительности – но только не сегодняшней, сиюминутной. В таких странах, как Намурия – да в любой, не только европейской или североамериканской даже – признаки машинной цивилизации давно уже проникли и в самые глухие уголки, так что лес порой мог удивить ровностью рядов, какими росли многолетние уже, дородные деревья, и в разных направлениях расходились от трансформаторов – в каменных будках или на деревянных и бетонных устоях располагались они – провода, толстые, силовые, а на столбах пониже держались телефонные и телеграфные, а если мачт с проводами не было, то в определенном ритме попадались таблички, предупреждающие, что под землей здесь проходит кабель; аккуратные павильончики автобусных остановок виднелись у дорог; и где-то в пределах видимости оказывался фермер на своем тракторе, оснащенном по сезону – плугом, сеялкой, косилкой, граблями; и уж, разумеется, не умолкало на дорогах, только среди ночи ослабевая, шуршание шин по асфальту, гудрону, бетону, легкое жужжание легковых и сердитое гудение грузовых моторов – немецких, французских, итальянских, американских, японских, реже – советских, чешских, румынских, к темноте сползавшихся к кемпингам и мотелям, а со светом вновь разлетающихся во всех направлениях ради дела или прихоти.

Да, еще вчера так было. И, похоже, кончилось как-то сразу и по причинам, которые пока еще не понять было. Сейчас на дороге, по которой шли трое, ни машин не попадалось, не рокотали тракторы на аккуратных полях, по-прежнему занимавших все пространство, свободное от лесов и дорог; столбы с проводами были где повалены, где сильно наклонены; повалены были дорожные указатели и щиты с описанием предстоящих дорожных развязок; зато вдруг масса всякого мусора взялась откуда-то – мусора, в котором можно было угадать обломки и останки того, что вчера еще было нужными, полезными и желанными в жизни вещами: главным образом, электрическими и электронными приборами – от утюга до стереофонического двухкассетника или какой-то из приставок к персональному компьютеру, без какого не обходился уже

давно ни один фермер. Словно бы кто-то сначала собрал и изуродовал как только сумел, а потом погрузил на многотонные трейлеры и, медленно двигаясь по дороге, неустанно расшвыривал по сторонам – и на дорогу, и в кюветы, по которым сейчас медленно текла вода, неизвестно откуда взявшаяся, потому что дождей давно уже не было. Кирпичная будка с черепом и костями в десятке метров от дороги стояла с распахнутой железной дверцей, и внутри ее, как все легче становилось различить, желто отсвечивали пряди медных проводов. Местами ровное темно-серое покрытие дороги было усеяно мелкими крошками разбитых автомобильных стекол; какие-то тряпки валялись, остатки одежды, клочья газет, яркие журнальные обложки. Вот на какую дорогу вышли и двинулись по ней Ева с двумя спутниками: что же удивительного в том, что нелегко было ей ступать босиком.

– Господи, Ева! – воскликнул Милов, прямо-таки ужаснувшись. – Нельзя же так! Где ваши туфли?

– Где прошлогодний снег, – она старалась еще шутить.

Милов снял свои туфли, носки.

– Немедленно обуйтесь. Не смущайтесь – носки я меняю дважды в день, старый пред-
рассудок.

– Вот еще! – сказала она. – У меня двадцать три с половиной, а у вас...

– Двадцать пять, – сказал Милов, – и набейте в носы травы или вот вам тряпка...

– Я, к сожалению, не могу помочь, – сказал Граве, – у меня двадцать девятый номер. А как же вы теперь, господин Милф?

– Обойдусь. Да и, наверное, на этой дороге можно найти все, что угодно – и пару обуви в том числе. За меня не волнуйтесь, я считаю, что легко отделался: иначе мне пришлось бы нести Еву на руках – это было бы, конечно, приятней, но тогда я лишился бы маневренности.

– И почему я не отказалась наотрез? – усмехнулась Ева, но во взгляде, который она под-
няла на Милова, было странное какое-то выражение – словно она впервые его увидела; да так оно и было по сути дела: при свете – впервые. И тут она неудержимо звонко расхохоталась:

– О Дан, что это такое? Нет, я не могу, не выдержу! Прелестно, неподражаемо прелестно...

Она заливалась, будто не было страхов, пещер, грязной реки, заваленной дороги, стертых ног. Может быть, и было в ее смехе что-то от истерики, но все же главным оставалось веселье.

– Да в чем дело? – Милов уже готов был обидеться.

– Галстук, Дан, ваш галстук! Где вы ухитрились откопать такой шедевр?

Галстук у Милова, теперь уже хорошо видный в глубоком вырезе свитера, был и на самом деле выдающимся: шириной в лопату – таких давно уже никто не носил – он бросался в глаза еще и редкой до безвкусыя расцветкой – громадными красными розами, зелеными листьями, а над ними – райской птицей всех цветов радуги...

– Это у вас там делают такие? Снимите, Дан, ради Бога, иначе я просто не выживу – смех убьет меня!

– Ни за что! – сказал Милов торжественно. У него и в самом деле были причины не снимать эту часть экипировки – до поры до времени во всяком случае. – И не просите: я дал обет носить его, и не могу от этого отказаться. Проиграл пари, понимаете?

Пари – дело святое, это Ева знала. И, отсмеявшись, уступила. Встала, прошла два шага, вернулась.

– Что же, вполне приемлемо. Спасибо, Дан. Хотя если вы ждете, что теперь я понесу вас на руках, то не надейтесь напрасно: и не подумайте.

– Если вы готовы, доктор, то идемте, – поторопил Граве. – Мне кажется, мы теряем очень много времени.

– А вот мне кажется, нужно еще помедлить, – неожиданно возразил Милов. – Там, впереди, по-моему, автобусный павильончик еще не разгромили: вот давайте посидим там и немного подумаем.

– О чем думать? – не понял Граве. – Пора домой!

– Да вот хотя бы об этом, – Милов повел рукой вокруг. – О том, что все это должно означать. Или вы по-прежнему думаете, что это не более чем капустный бунт?

– Что бы это ни было – надо спешить.

– А я вот так не думаю. Знаете, господин Граве, мне не раз случалось прыгать в холодную воду, но я предпочитал не делать этого с завязанными глазами.

– Но ведь гораздо проще узнать обо всем в городе, вам не кажется?

– Прежде еще нужно туда попасть. И я не уверен, что это будет просто. Уже не говорю о том, что мне-то в город не нужно, наоборот, мой путь – в Центр. Но вот понять происходящее нужно в любом случае. Сюрпризы хороши в день рождения, но не сейчас. И если мы не постараемся понять, с чем можем столкнуться, нам может прийти солоно.

– Дан прав, – сказала Ева. – Соглашайтесь, Граве.

Граве еще поколебался – видимо, всякая задержка сейчас вызывала у него даже не досаду, а просто злость. Но шагать дальше одному, надо думать, улыбалось ему еще меньше.

– Хорошо, – буркнул он наконец. – Но сделайте одолжение, думайте быстрее. Только почему для этого надо забираться в будку?

– Дорога, может быть, просматривается, – сказал Милов, – и движущийся предмет легче заметить. Если же мы сосредоточимся только на наблюдении...

– Ну хорошо, хорошо. Идемте.

До павильончика дошли без приключений. Скамья в нем сохранилась – была она каменной; только урна для мусора оказалась перевернутой и откатилась в сторону. Они сели.

– Очень уютно, – сказала Ева. – Ну, Дан, начинайте. И постарайтесь успокоить нас, потому что от вида этой дороги мне хочется плакать.

– Согласен, – сказал Милов. – Поделюсь своими мыслями. Нет, тут не вспышка фермерского гнева. Тут что-то куда более серьезное. Господин Граве, вы – местный житель, вы лучше знаете свою страну, чем, вероятно, Ева, и во всяком случае, чем я. Что, по-вашему, могло произойти? Внешне это напоминает некий эмоциональный взрыв, причем тут действовали не одиночки, но масса: даже банде хулиганов сотворить такое не под силу, по-моему, за всем этим чувствуется какая-то организация. Тут творилось не просто бесчинство. Вы обратили внимание? Ни одно деревце не сломано, не ободрано, ни один куст не помят, хотя вдоль дороги их вон сколько; только изделия рук человеческих, и тоже не всякие, но, как мне кажется, в основном плоды современного развитого производства. Я насчитал восемь электрических утюгов – и ни одного простого, полдюжины разбитых стиральных автоматов – и ни одного корыта...

– Да их наверняка давно уже не осталось! – сказала Ева.

– Может быть. Но вот журналы на дороге нам попадались только связанные с техникой, а не, скажем, с порнографией...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.